

Открытое письмо американскому поэту Роберту Фросту

Глубокоуважаемый мэтр!

Редакция журнала «Иностранная литература» обратилась ко мне с предложением написать для праздничного, ноябрьского, номера заметки о нашем совместном путешествии в Гагру для встречи с Председателем Совета Министров СССР Никитой Сергеевичем Хрущевым.

Я с удовольствием принял это предложение и потому, что встреча и знакомство с Вами оставили в моем сердце глубокий след, и потому, что Ваша встреча с Н. С. Хрущевым, при которой мне довелось присутствовать, была по-своему замечательна и неповторима.

Будучи далеко от Москвы, на болгарском берегу Черного моря, я уже набросал свои заметки о Вашем пребывании в Советском Союзе и о нашей поездке на юг. Но в это время радио донесло до моего слуха тревожные вести из Вашингтона о мерах, принятых правительством Вашей страны против Кубы, поставивших человечество на трагически опасную грань развязывания третьей мировой войны.

Мне вспомнились наши разговоры о войне и мире, об ответственности писателей и политиков, вспомнились неоднократные Ваши лестные отзывы о Президенте США Джоне Кеннеди, о хороших отношениях, которые связывают Вас с Президентом, и мне показалось, что вместо заметок о путешествии молодого сердцем старого лирика в нашу страну в создавшихся условиях правильнее было бы обратиться к Вам, человеку, имеющему большой вес и влияние в своей стране, с открытым письмом.

Первое, что побудило меня так поступить,— это мое знание Ваших стихов, насыщенных горячей любовью к жизни, горячим, плотским ощущением земли и неба, солнца и росы, извечного торжества природы, доверия к человеку, уважения к его труду, стихов поэта-гуманиста, наполненных доверием к жизни и верой в будущее человека.

Это мое побуждение еще более укрепили первые слова, сказанные Вами в ту минуту, когда Вы впервые ступили на бетон Шереметьевского аэродрома. Вот они, эти слова:

«Я знаю Вашу страну лучше, чем знает госдепартамент, потому что я изучал ее по поэзии. И когда святой Петр спросит меня, был ли я современным, я отвечу ему, что летал в Москву на реактивном самолете».

Конечно, в этом Вашем ответе репортерам была доля поэтического озорства. Но дни, проведенные в Советском Союзе, показали всем, кто с Вами соприкасался, как жадно стремились Вы каждый день, каждый час своего времени посвятить тому, чтобы больше узнать страну, ее народ, строй ее жизни, понять психологию людей, по мере сил расширить свои представления о советской поэзии, о советском читателе стиха, о самих поэтах, в особенности о нашей поэтической молодежи. И я думаю, что Вы не зря покрыли такие большие расстояния, пересекая Атлантику по пути в нашу страну.

Для нас остались памятными и Ваши встречи с молодежью в московском молодежном кафе, где Ваш голос сливался с молодыми голосами Евтушенко, Вознесенского и других наших молодых поэтов. Я присутствовал на большой Вашей встрече с

советскими любителями поэзии в Библиотеке иностранной литературы, в переполненном зале которой можно было слышать, как пролетит муха, когда Вы одно за другим читали свои произведения на родном языке. Прекрасным по масштабу и по откликам слушателей и зрителей был проведенный для многомиллионной аудитории московского телевидения Ваш вечер и Ваш разговор по животрепещущим вопросам о месте поэзии и литературы в современном взбудораженном мире.

Везде, где Вы встречались с советскими людьми, Ваши молодо блестящие голубые глаза пристально вглядывались в аудиторию, в собеседников, как будто Вы хотели увидеть то, что лежит в самой глубине человеческого сердца.

И, мне думается, после этих встреч, уезжая на родину, Вы унесли в своей душе убеждение о том, как огромен интерес нашего человека к культуре, к поэзии, как жадно слушает он каждое новое слово и как непредубежденно слушает, как далека от действительности созданная на западе легенда о том, что советские люди воспитаны в неприятии всего, что идет из-за границы, замкнуты, скованы в общении с иностранцами. Вы, иностранец и американец — то есть гость из той страны, о которой у нас знают и то, что она окружила наши границы военными базами, посылала в наше небо разведчика Пауэрса,— Вы несомненно поняли и почувствовали, как тонко и как точно наши люди умеют распознавать друзей и недоброжелателей, как велико у них чувство объективности всегда, когда заходит речь о признании таланта, мастерства, искренности стремлений и намерений. А ведь это было не только с Вами. Так всегда встречают у нас проявление доброй воли, талант, мастерство в концертном зале, на театральных ли подмостках или в кипящей страстями спортивного азарта гранитной чаше стадиона.

Мне кажется, и для Вас и для меня был незабываем день путешествия на юг, в гости к Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву. Волнений в тот день было так много, что от них Вы занемогли, приехав в Гагру. Но Ваш преходящий недуг дал Вам возможность увидеть в руководителе нашего народа ту же черту, какую Вы подмечали у рядовых советских людей,—человечность, отзывчивость, непредубежденность.

Как помните, Ваш визит к Н. С. Хрущеву из-за Вашего временного недомогания превратился в визит руководителя великой страны к гостю — заокеанскому поэту.

Я помню, как больше часа у постели утомленного дальним подорожьем старого лирика шла очень сердечная, очень взволнованная, очень искренняя и прямая беседа по всем вопросам, с которыми Вы обращались к Н. С. Хрущеву.

Тогда в беседе с Вами Никита Сергеевич касался многих проблем, которые с такой тревожной обнаженностью раскрылись в одном из выступлений Президента Д. Кеннеди и в той атмосфере безудержного милитаристского психоза, которая создавалась в США вслед за этим выступлением.

По пути обратно в Москву мы много говорили о встрече в Гагре. Она произвела на Вас большое впечатление. Она как бы увенчала собой Вашу короткую, но содержательную поездку в Советский Союз.

И в день, вернее сказать ранним воскресным утром, когда мы в последний раз обменялись крепкими рукопожатиями на Шереметьевском аэродроме и Вы покинули нашу страну, у всех нас, тесно соприкасавшихся с Вами в дни Вашего визита, было твердое, незыблемое убеждение, что мы провожаем друга, провожаем человека, понявшего, почувствовавшего пафос жизни нашего народа, его мирные устремления, его неизменное миролюбие, определяющее действия и решения советского правительства.

Движимый этими чувствами, Вы в своем последнем интервью на аэродроме заявили:

«Союз писателей сделал эту поездку одним из самых замечательных событий моей жизни. Мне представилась возможность выразить свое восхищение вашей могущественной страной, на долю которой выпало соперничать с нами в грядущие годы. Я признателен за ваше щедрое гостеприимство. Об этих чувствах я говорил не раз в Москве, и в Ленинграде, и в Гагре».

Расставаясь с Вами, Никита Сергеевич Хрущев просил Вас передать искренний привет американскому народу и вашему Президенту.

Растроганный беседой с Н. С. Хрущевым, Вы дрожащей от сердечного волнения рукой написали на томике своих стихов то, что чаще всего говорили в беседах с советскими литераторами и читателями: «От Вашего соперника в сфере дружбы».

Я пишу Вам эти строки в дни, когда особенно хочется напомнить Вам эти глубоко искренние, продуманные и прочувствованные слова.

Никита Сергеевич Хрущев в беседе с Вами особенно твердо и настойчиво подчеркивал миролюбие, гуманистические устремления советской внешней политики, разъяснял, что Советский Союз не собирается нападать ни на Соединенные Штаты, ни на какую-нибудь другую страну в мире, особенно твердо и решительно говорил о том, что нашим государством никогда первым не будет применено истребительное термоядерное оружие, что в вопросах международных отношений самое опасное — политика с позиции силы, всегда чреватая превращением «холодной» войны в «горячую».

В недавние тревожные дни Вы могли убедиться в том, насколько слова советских руководителей не расходятся с их делами.

Н. С. Хрущев, проявляя выдержку и хладнокровие перед лицом грозных опасностей, сделал мужественный, продиктованный острым чувством ответственности за судьбу человечества шаг к разрядке создавшейся напряженности, шаг, продиктованный не слабостью, а сознанием несокрушимой мощи своей страны, поглощенной, как Вы видели своими глазами, мирным созидательным трудом.

Не меч, а мир несут человечеству слова двух посланий главы советского правительства, адресованное Президенту Соединенных Штатов. Мы не хотим войны. Мы слишком много потеряли людей и культурных ценностей во второй мировой войне. Мы думаем о мире и о любых формах соперничества или, лучше сказать, соревнования в сфере дружбы. Нам нечего делить с американским народом. У нас есть много оснований уважать этот народ, умеющий трудиться, создавать материальные и духовные ценности.

Поэтому-то и теперь, когда, несмотря на наступившую некоторую разрядку грозного напряжения, все еще очень сильно пахнет порохом, я, уважая Вас как великолепного мастера лирики, любя Вас как человека, в восьмидесятидевятилетнем теле которого бьется молодое, взволнованное судьбами человечества сердце, призываю Вас встать на путь, указанный каждому честному интеллигенту мужественным поведением Бертрана Рассела, на путь протеста против развязывания войны, на путь убеждения своих соотечественников в гибельности политики «с позиции силы».

Вас любят и знают на родине. Вы близки с ее нынешним Президентом. Используйте драгоценную любовь народа, дружбу Президента для того, чтобы начавшуюся разрядку довести до такой точки, при которой будет возможно все, о чем пишет ваш Президент в своем послании к Н. С. Хрущеву: запрещение ядерного оружия, всеобщее и полное разоружение и другие великие блага для современного человечества, изнуренного многолетней гонкой вооружений, уставшего от бряцания оружием и постоянного ощущения жизни на пороховой бочке.

Приехав к нам, Вы увидели, что нет у нашего народа и у нашего правительства стремления к навязыванию другим народам своего образа жизни. Мы не хотим соперничества на поле боя, где при нынешних средствах истребления трудно ожидать чего-либо, кроме неисчислимых бедствий для человечества.

Используйте Ваш авторитет для того, чтобы все поняли это и, таким образом, раз и навсегда освободили мир от тех опасностей, которые ему все еще угрожают.

Давайте соперничать в сфере дружбы!

Ваш

Алексей Сурков